

скую и антиеврейскую книгу «Миф XX века». В январе 1934 г. Адольф Гитлер назначил Розенберга своим «уполномоченным по идеологической работе в партии», а произведение «Миф XX века» превратилось в почти официальное выражение нацистской идеологии. В своей книге Розенберг провозгласил мифотворчество основным методом построения философских теорий нового времени. В соответствии с «Мифом XX века» германская раса извечно противостоит вредоносному влиянию еврейской расы. Миру зла расистские мистики противопоставили мир добра, света, олицетворенный в белокуром, голубоглазом народе, который одиозно почитался способным создать цивилизацию или государство. Считалось, что два противоположных мира находятся в состоянии вечной борьбы, а война 1939 г., развязанная Гитлером, представляла собой лишь окончательную битву между этими двумя силами.

Теория «еврейского заговора» существует до сих пор, хотя и в несколько измененном виде. Находятся люди вроде Ричарда Верралла и Дэвида Ирвинга, которые отрицают сам факт Холокоста. Вопреки всем свидетельствам, они утверждают, что разговоры о Холокосте — лишь еще один пример «еврейского заговора».

ТЕМА ХОЛОКОСТА В ПОЭЗИИ Е. ЕВТУШЕНКО

Симакова А. А., Белорусский государственный университет

Одна из неразрешимых проблем человечества — проблема теодицеи, которая поднималась мировой культурой еще в древности. Наиболее остро она стоит в библейской Книге Иова, а в XX в. становится одной из главных в связи с двумя мировыми войнами, которые потрясли человечество. И среди тех, для кого она важна, — русский поэт Евгений Евтушенко. Военная тематика его стихотворений объясняется тем, что поэт принадлежал тому поколению, чьей самой большой драмой стала война, ворвавшаяся в жизнь еще совсем молодых людей. Кроме того, в 1960-х гг. остро стояла проблема антисемитизма, широко распространенного в Советском Союзе в то время.

Одним из наиболее значимых произведений Е. Евтушенко является поэма «Братская ГЭС» (1965), в которой раскрываются такие важные темы, как тема рабства и тема несгибаемости веры человека, выраженные в двух образах: пирамиды и Братской ГЭС. Сквозной мотив всей поэмы состоит в том, что человек должен быть свободным и может добиться свободы для себя и своего народа. Автор выступает против любых видов угнетения и унижения человеческого достоинства, показывая в поэме как тех, кто боролся за свободу, так и тех, кто в свое время многое вынес на пути к освобождению. Таким героем можно считать Изю Крамера (глава «Диспетчер света»), который страдал от нацистской политики, а теперь готов самоотверженно нести свет людям.

Следует обратить особое внимание на смысл, который несет название данной главы, — «Диспетчер света». Свет здесь предстает как символ некой силы, которая может упорядочить мир, внести в него гармонию, побе-

дить неравноправие, насилие и жестокость. Поэтому герой выступает как человек, вносящий свой вклад в гармонизацию мира, как борец против угнетения и притеснения.

Сам Изя Крамер во многом схож с библейским Иовом. Пусть он и не безгрешен, но в жизни не совершил ничего такого, о чем можно было бы жалеть, за что могло бы быть стыдно перед другими и перед самим собой. Он говорит о себе так: *«О своей судьбе я не жалею. // Почему же все-таки тогда // зубы у меня из нержавеющей, // да и голова седым-седа?»*.

Герой не жалуется на свою судьбу, никого ни в чем не обвиняет, хотя ему и пришлось многое перенести, о чем свидетельствует ранняя седина (герою всего сорок лет). Поражает также и то, что Изя Крамер находится в раздвоенном состоянии: «а меня на белом свете двое». Одна часть диспетчера света живет прошлым, горькими воспоминаниями, связанными с войной, с гетто, а вторая стремится жить полной жизнью в настоящем и нести свет людям: *«Я и здесь, и в то же время где-то. // Здесь — дела, а там — тела, тела. // Проволока рижского гетто // надвое меня разодрала. // Оба Изя — в этой самой коже. // Жарко одному, другой — дрожит. // Одному кричат: "Здорово, кореш!.." — // а другому: "Эй, пархатый жид"»*.

Один Изя — часть современного здорового общества, а второй носит на одежде желтую звезду Давида как опознавательный знак. Воспоминания постепенно одолевают героя, и он начинает рассказ о своей молодости, разрушенной войной. В семнадцать лет, в годы юношеского цветения и первой любви, он попал в гетто, где ему пришлось наблюдать за мучительной жизнью молодой девушки Ривы, которую он любил так, как может любить человек в первый раз, искренне и с полным самозабвением. Рива и Изя здесь — воплощение самого еврейского народа, его тяжелой судьбы во время Холокоста.

Картины взаимоотношений молодой пары сменяются ужасными реалиями гетто: перед глазами читателя сразу проходят образы Майданека, Освенцима и других концлагерей, превративших в дым и пепел более шести миллионов евреев во время Второй мировой войны.

Автор показывает картины лагерной жизни, когда немка-надсмотрщица заставляет молодую девушку разносить ей сапоги, бегая по кругу и изнемогая от бессилия, когда заключенные должны набивать подушки волосами тех, кто еще совсем недавно был рядом с ними. Поэт четко противопоставляет образ чистой еврейской девушки и образы солдат, чьи «лоснящиеся рыла с вышек ухмыляются». А бег Ривы можно рассматривать как замкнутый круг гетто, попадая в которое, уже невозможно выбраться живым.

После того, как бедная Рива совсем обессилела, стала похожа на дым, который так часто можно было видеть из труб крематория, Изя не выдержал, он возопил к Богу: *«Боже, протяни ей свою руку, // навсегда ее останови! // Боже, я опять прошу об этом! // Милосердный Боже, так нельзя!»*. Эти слова напоминают слова Иова, размышляющего над тем, почему Бог иногда не сжалится над страдающими и не пошлет им смерть вместо трудной и горькой жизни: *«На что Он дает страдальцу свет // и жизнь тому, кто душой удручен, // кто хочет смерти, и нет ее, // кто*

рад бы добыть ее, как клад, // до восторга бы возликовал // и восхитился, обретя гроб, — // мужу, чей путь скрыт, // кому поставил преграду Бог?».

Но в словах диспетчера света Изи Крамера нет упрека Богу ни в чем, что видно по тому, как он называет Бога — «милосердный Боже». Всю свою любовь Богу, Творцу он выражает в этих словах, несмотря на то, что он подвергается таким невыносимым духовным и физическим испытаниям. Он не отказывается от своей веры, не бросает вызов Богу, он просто молит о том, чтобы скорее прекратились кошмары и истязания, и прежде всего молит не за себя, а за ту невинную девушку, которую он любит.

Рассказ Изи о прошлом заканчивается тем, что Рива умирает. Как известно, Рива (Ревекка) — одна из прапраматерей еврейского народа, и героиня Е. Евтушенко предстает как образ всего еврейского народа в целом, ее судьба — парадигма его страданий. И бег Ривы по кругу выражает не просто безысходность лагерной жизни, но и круговорот страданий в течение многовековой истории народа. Любовь Изи к Риве — это не только любовь молодого человека к девушке, но и любовь к своему народу. Мольбы Изи к Богу, чтобы Он послал, если не избавление, то хотя бы смерть Риве, — это мольбы за избавление всего народа. Образ Изи — образ человека, несущего избавление и некую Божественную исску, потому что свет символизирует нечто духовное, противостоящее темноте, борющееся с ней.

Изя выражает свою позицию через отождествление себя с ГЭС, с ее светом, становясь носителем этого света, некоей стеной, отделяющей людей от темноты. Именно ужасы времен его молодости подтолкнули героя принять такую мировоззренческую позицию, которая радикально отличается от позиции, выражаемой образом египетской пирамиды, утверждающей полное рабство человека во все времена и неспособность его с этим рабством бороться. Автор выбирает образ Изи Крамера для того, чтобы выразить свой протест против тех, кто выбирает путь рабства, и высказать свое возмущение политикой антисемитизма, столь широко распространенной в XX в.

Автор выражает свою веру в человека, в его способность стать таким же носителем света, как и Изя. В словах поэта отчетливо заметна не только надежда, но и горечь: чтобы вылечить человечество от расовых предрасудков, нужно «много света». И это подтверждается заключительными словами главы «Диспетчер света»: *«Этот Изя кое-что да значит — // Ангара у ног его лежит, // ну, а где-то Изя плачет, плачет, // ну, а Рива все бежит, бежит...».*

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что в своем творчестве Е. Евтушенко большую роль отводил теме Холокоста, и не только для того, чтобы показать ужасы происшедшего в то время, но и для того, чтобы заставить человечество остановиться, задуматься, оглянуться назад и постараться научиться чему-то на ошибках прошлых поколений. При этом его манеру отмечают открытая ангажированность, страстность, искренность пафоса преодоления зла, уродующего душу человека.